
УДК 130.2, 11

DOI 10.31249/hoc/2020.01.08

Асоян Ю.А.®

МЕТАФИЗИКА БЕЗОТЦОВСТВА У ГРЕКОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.В. БИБИХИНА

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация Владимиром Бибикиным платоновского «Алкивиада I», где отправной точкой является тема незнания как «безотцовства», «оставленности», «покинутости» и школы как «заботы о себе». Интерпретация В. Бибихина сопоставляется с трактовкой М. Фуко.

Ключевые слова: «безотцовство»; «сиротство»; «забота о себе»; «школа»; «начало философии».

Asoian Yu.A.

Metaphysics of fatherlessness in the Greek culture in the interpretation of V.V. Bibikhin

Abstract. The article discusses the interpretation of Vladimir Bibikhin Plato's «Alkibiades I», where the starting point is the topic of an idea of ignorance as «fatherlessness» and «abandonment» and a school as «self-care». The interpretation of V. Bibikhin is compared with the interpretation of M. Foucault.

Keywords: «fatherlessness»; «orphanhood»; «self-care»; «school»; «beginning of philosophy».

Слово «метафизика», используемое в контексте обсуждения сиротства, вызывает почти очевидную неловкость. Эта неловкость, кажется, возникает от того, что тема сиротства, несмотря на все ее значимые культурно-исторические развороты, всегда напоминает о драме: не о метафизике, а о драме, жизненных ситуациях и положении детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому мне бы очень не хотелось, чтобы обсуждаемая ниже тема – очень локальная по сюжету и материалу – была истолкована как какая-нибудь *благодушная метафизика безотцовства*. Действительно, бывает род метафизики – философских рассуждений – которые призываются как своего рода успокоительное, и потому обманчивое, средство. Вместе с тем ситуации сиротства подчас прямо-таки вызывают к постановке «последних», как говорил когда-то Достоевский, вопросов – если не общеполитических, то по крайней мере этических. У Алена Бадью есть небольшое по объему, но весьма содержательное эссе (трактат) под названием «Этика» [1] – в нем он выстраивает *этику ситуаций*^{1*}. Бадью основывается не на понятиях всеобязательной нормы или добродетели, не на этике «прав человека» и не на благородном понятии «Другого». Эти концепции и стоящие за ними социальные практики он подвергает сокрушительной критике. Свою этику он строит на понятии *ситуации* – и то, что он говорит, очень подходит к анализу *сиротства* как неповторимой, хоть и каждый раз возвращающейся ситуации в мире^{2*}. Так что, думаю, метафизика не обязательно уводит – подчас она и приводит – иной раз в самое средоточие проблемы. Мысль В. Библихина как раз из разряда не отвлеченностей; скорее это особым образом вовлеченное в мир мышление, приводящее к обнаружению по каким-то причинам не распознанного прежде положения вещей.

В статье речь пойдет о конкретном и совсем небольшом по количеству посвященных этой теме страниц сюжете из курса Библихина. Сам курс называется «Собственность»^{3*} [3] (он был прочитан в МГУ в 1993/94 учебном году)^{4*}. На первый взгляд может показаться, что в названном курсе много странностей. В нем Библихин предлагает продумать «собственность», настаивая на том, что наша «непродуктивность в собственности» чревата бедами. Владимир Вениаминович обратился к этой теме в 1993 г. и можно предположить, что это, во-первых, уже тогда был некий его ответ на беззастенчивую и нахрапистую приватизацию (кстати говоря, оставившую ни с чем именно

обездоленных, и в их числе не в последнюю очередь – сирот), а с другой стороны, и это уже во-вторых, все-таки некоторая надежда Бибикина на то, что если собственность «правильно поставить», верно понять и как-то выправить с умом – так и в России дело заладится. В этом выяснении собственности как происходящей из «собственного» Бибикин вынужден разбираться и со «своим/собственным», с тем, что именно оно такое есть. Несколько занятий он уделяет «разысканиям своего» (*собственно своего* – αὐτός τὸ αὐτό) в «Алкивиаде I» Платона. И тут – не вдруг, хотя довольно неожиданно – обращается к теме безотцовства. Владимир Бибикин всего лишь раз употребляет слово «сиротство», в основном он говорит именно о безотцовстве. Причем речь идет сначала о *настроении безотцовства* – о *настроении оставленности, покинутости, заброшенности*, о том, что, по Бибикину, определяет слишком многое в философии, знании, да и культуре в целом (в России тему отцов и культуры как отношения с отцами головокружительно высоко поставил в свое время Николай Федоров, и Бибикин, конечно, упоминает его в своем разборе [2, с. 72]).

Если обратиться непосредственно к толкованию «Алкивиада», то тема безотцовства вводится напоминанием о безотцовстве главного героя. И это безотцовство сразу вырастает до какого-то вселенского масштаба. Да, Алкивиад вырос без отца. У Сократа в этом смысле вроде бы все в порядке. Тем не менее о *безотцовстве* напоминает Алкивиаду именно Сократ. Он, если я правильно понимаю экзистирующее толкование Владимира Бибикина, для начала не просто вводит, а чуть не вталкивает Алкивиада в соответствующее настроение – оставленности, покинутости. И через это самим Бибикиным ставится тема *настроения*: безотцовство определено как *фундаментальное настроение*. «Настроения, лежащие в основе, – пишет он, – Grundstimmungen, по Хайдеггеру, по Розанову, ими создается все главное в истории, ими определяются эпохи» [2, с. 73]. Мне кажется, что прежде чем говорить о настроении безотцовства, нужно эту бибикинскую тему определяющей значимости самого *настроения* подчеркнуть, вывести на первый план, оставить в стороне ее просто нельзя. Бибикин замечает, что тема настроения в мысли – основная тема Хайдеггера и Розанова. С осторожностью я бы добавил к ним еще и Делёза с Гваттари. В работе «Что такое философия?» они утверждают, что философское мышление включает не только творчество концептов. Здесь

значимы и «реперные точки» – те концептуальные персонажи, вокруг которых так или иначе строится философия (для Ницше, например, один из концептуальных персонажей – это Сократ, для Хайдеггера – уже сам Ницше). А, кроме того, важен «план имманенции» [4, с. 48–79]. Последнее – что-то близкое настроению-настрою мысли (некое неконцептуальное, интуитивное переживание [4, с. 55]), и может быть – определяющая эмоция самой мысли, будь то раздражение или досада, радость открытия или сожаление об утрате.

Профессор философского факультета Хильдесхаймского университета ФРГ Рольф Эльберфельд также говорит о лежащем в основании мышления том или ином настроении [8, с. 70–80]. В основании буддистской философии – одно настроение (настроение, связанное с опытом страдающей печали), в основании греческой, по тому же Эльберфельду, – настроение удивления. Про удивление в греческой философии уже и прежде говорилось много, но основная тема Сократа, в интерпретации Бибикина, все-таки связана с пониманием сознающего себя незнания не как удивления, а как *покинутости, заброшенности, безотцовства*. Как это может быть? Послушаем, что говорит Бибикин (в круглых скобках время от времени будут отмечены места из текста «Алкивиада I», к которым отсылает Бибикин): напомним о том, что отец у Алкивиада погиб, Бибикин подмечает, что «...и в другом смысле Алкивиада, Сократ *потерянные одинокие в безотцовстве*: давно прервалась ниточка, ведущая их род от богов». «... Мы “сами идиоты и наши отцы”, *αὐτοί τε ἰδιῶται καὶ οἱ πατέρες* (121 а). Все, что мы можем выставить в виде родословной... смешно царям царей и царственным потомкам царей, например в Персии и Лакадемоне» [2, с. 72]. Безродные мы случайно приходим на свет, «и хорошо, что мы отрезвели, хоть заметили это. Царей от рождения принимают руки лучших наставников, их рождение историческое событие, ради них живет земля – а твое и наше рождение даже и соседи не замечают, до воспитания нашего и образования никому нет дела (122 b). Брошенные дети, бедные, здесь в этой маленькой Греции. Боже мой, и хотим еще чего-то, с кем-то соперничать, когда у нас ничего нет... Нас бросили; брошенные, мы ничем не владем...» [2, с. 72]. Ничем, замечает Бибикин, «...кроме *ἐπιμέλεια* и *σοφία*. Только они есть достойные упоминания у эллинов (123 d)» [2, с. 72].

Настроение безотцовства, покинутости выступает как основное настроение сократовской школы, хотя и далеко выходит за ее границы^{5*}. «Абсолютная необходимость терпеливой скромности школы у Сократа, – подчеркивает Биbihин, – связана... с настроением брошенности, оставленности». И практически тут же: «Некоторые думают, что оставленность, брошенность, безотцовство, настроение бодрой внимательной настороженности, упорства и усилия (как брошенный в лесу, чтобы не пропасть, должен собраться) это черта Запада. Нет, это черта мировой эпохи, которая длится уже долго. Думать, что восточные как-то особенно причастны к соборности или космосу или к другим богатым вещам, – признак сиротства, дошедшего от отчаяния уже до бреда. Нет, у восточных не больше, чем у Алкивиада, интимных отношений с божественными отцами...» [2, с. 75]. «Еще раз: суть настроения, на котором стоит сократовская школа, в том, что человек встретился с непоправимыми вещами. Если отец погиб, это поправить уже нельзя. Кажется, что можно поправить бедность, на самом деле это так же трудно, как брошенность. Школа не для того, чтобы восстановить непоправимое; она скорее вообще не “для того”, а “оттого”: от опоминания, замечания своей ситуации, *ничего не оставляющей, кроме внимания и усилия*. Как нельзя поправить непоправимое, так и сократовская школа ничему не учит, так сказать, кроме самой себе» [2, с. 75]. Но теперь всякий раз, «когда мы говорим: “школа”, то понятие [это] пусто без настроения смиренного и трезвого, от серьезности высокого, от печали торжественного чувства брошенности, оставленности, безотцовства: отцы были, божественные, могли быть, потому что у кого-то явно остались – но их нет. В этой брошенности, раз она узнана, есть решимость, даже яростная, не согласиться на подставных отцов, противостоять отвратительным претензиям захватчиков пустого, опустелого места» [2, с. 72–73].

Печаль безотцовства не позволяет мириться с подделками, с самозванными претензиями. Ей свойственна настороженность и недоверие к выдаваемому за несомненное, готовое, общепринятое. Кроме того, в безотцовстве авторитеты-отцы всегда присутствуют, присутствуют и как отсутствующие. Причем это их присутствие не менее значимо чем «наличное бытие»^{6*}. По Биbihину, повторим, настроение безотцовства сплетено с незнанием: «когда отца нет, когда отец подвел, в двух смыслах, и не на высоте божественной, и не жив, все, что есть *в нас*,

теряет значение, наше знание становится нулевым» [2, с. 73]. «Переход от незнания к безродности и безотцовству, не перескок, – тут же пишет он, – ...*незнание и заброшенность в безродности одно и то же*» [2, с. 72]. Греки мыслятся им вброшенными в безотцовство, безродность, незнание (которое, правда, становится сознающим себя незнанием). Напрашивается сравнение «Алкивиада I» с платоновским же «Тимеем». Солон рассказывает здесь, что когда он в своих странствиях прибыл в Египетский Саис, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих из жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знает. «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» – «Почему ты так говоришь?» – спросил Солон. – «Все вы юны умом, – ответил тот, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, посевшего от времени» [5, с. 426]. Не сохранив в себе *предания* в той мере, в какой хранит его Египетский Саис, греческий мир вынужден восполнять это отсутствие упорством в знании. И не менее того – проявлять недюжинное рвение в самоопределении, в попытке разобраться, что такое ты сам, – в ситуации, когда готового, заранее поданного, оберегаемого и хранимого представления уже нет. Никто, кроме самого тебя, не скажет, кто ты есть! А если и скажет, то как Эдипу оракул в Дельфах. И это сказанное еще предстоит самому ему распутать – расколдовать.

Итак, осознающее себя незнание – основой которого оказывается фундаментальное настроение покинутости и безотцовства, – это, по Бибахину, настроение школы. И здесь он, применительно к тексту «Алкивиада I», наряду с известным греческим «схолэ» (школа, досуг, свободное времяпровождение), часто использует другое существительное, на которое в свое время обратил пристальное внимание Фуко. Это слово – *ἐπιμέλεια* (эпимелейя). У Фуко оно переведено как «забота», *ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ* – «забота о себе». В истолкованиях сократической «заботы о себе» Фуко обращается в основном к двум платоновским текстам. Это, во-первых, все тот же «Алкивиад I» (самый платоновский диалог в определении Т.В. Васильевой, хотя и вызывавший сомнения в своей принадлежности к числу «собственно платоновских»). Но кроме того еще и «Лахет». В отношении к «заботе о себе» Фуко

едва ли не противопоставляет содержание «Лакхета» и «Алкивиада I». С одной стороны, в обоих диалогах есть общая основа: речь идет о том, что нужно позаботиться о воспитании юношей. «Вот только в “Алкивиаде” эта тематика воспитания / небрежения / заботы довольно быстро подводит к классической проблеме: о чем нужно заботиться?» И выясняется, что заботиться нужно о *душе*, так что «тема *epimeleia* сразу и непосредственно подводит к принципу существования души». Тут же возникает вопрос, что такое душа, хотя ответ на него не дан. В «Лакхете» же, по Фуко, просматривается совсем иная линия диалога: «объектом, которым надо заниматься, оказывается не душа, но жизнь (*bios*), – в толковании Фуко это не что иное, как «образ жизни» – понятие, напряженно сопрягающее в себе не только *bios*, но и *ethos*, которые вместе и составляют «цель *epimeleia*» [6, с. 135]. Вместе они становятся целью *epimeleia*, а кроме того – объектом паресиастических практик – мужества истины – не только политических, скорее этических практик веридикции – высказывания правды о себе и других, приводящих к формированию этического субъекта.

В своем разборе «Алкивиада I» Бибихин упоминает однажды имя Фуко [2, с. 86]. Но фукольдианское толкование платоновского «Алкивиада I» (так же как и его толкование «Лакхета») не упоминает вовсе. Очень возможно, что в начале 1990-х он с этими толкованиями (и соответствующими текстами Фуко – курсами в Коллеж де Франс) попросту еще не был знаком. Систематическая публикация курсов Фуко в Коллеж де Франс пришлось на начало 2000-х. Вместе с тем первая русская публикация фрагмента из курса «Герменевтика субъекта», курса, где Фуко обратился к толкованию «Алкивиада», состоялась еще в 1991 г. [7, с. 284–291]. Так или иначе приходится признать, что фукольдианские толкования Алкивиада никак не учтены Бибихиным в его собственном разборе. Становится ли от этого его толкование менее значимым? На мой взгляд – точно нет. Даже напротив, толкование Бибихина еще и сейчас может существенно восполнить ту картину *epimeleia heautou*, которая сложилась через ставшие популярными тексты Фуко. Бибихин толкует *epimeleia* – не как заботу, он переводит это важное понятие едва ли не буквально – как прилежание; *ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ* – у Бибихина это особый род прилежания – прилежание в себе, целью которого является *согласие с собой*... От несогласия с собой – раздор и война, пишет Бибихин. Когда платоновский Сократ едва ли

не льнет к Алкивиаду с вопросами о своем собственном, то и Платон, пишет Биbihин, тоже *«льнет к главному, к узлу древней и современной истории, к греческому взрыву, когда античная культура была сорвана, ее рост [был подменен. – Ю. А.] территориальной экспансией»* [2, с. 64]. Поэтому-то разговор Сократа с Алкивиадом – и не разговор вообще, подчеркивает Биbihин: *«Игра идет очень крупная, головокружительно крупная, так что даже не верится, что человек Платон может так крупно играть»* (курсив мой. – А. Ю.) [2, с. 65]. Ставки очень большие – вопрос о полноте человечества – нужно ли, замахнувшись на человечество, идти «топтать Азию» [2, с. 65], или, превзойдя и преодолев изначально непоправимые сиротство-оставленность-безотцовство, размахнуться до человеческого рода – в себе?

Следуя этому толкованию платоновского Алкивиада I, поиск своего и согласие с собой – это ничуть не меньше, как вопрос войны и мира, вопрос полноты мира и полноты собственного бытия. Поэтому – думать о согласии каждого с самим собой как-нибудь слишком просто – через вносимое педагогами мировоззрение, или даже особое воспитание, или дисциплину, скажем, внутреннюю – *«тоскливо, слишком ясно, что это тупик»*, – пишет Биbihин [2, с. 81]. У Платона согласие каждого с самим собой выглядит как что-то большее: *«согласие каждого с самим собой возможно только так, что каждый вопьется в свое, будет занят, захвачен, растворен, поглощен собственно своим и род этого влечения назван в 126 е: соединиться с собой нужно как отец с сыном, как мать с ребенком, как брат с братом, как муж с женой. Не ставится вопрос, а есть ли вообще у человека, каждого, “свое”. Ах господа, не ставится вот у Платона и вообще в важной, великой мысли, всякой, этот вопрос, что такое свое, да и есть ли оно вообще, а может быть его и нету вовсе. Эти и подобные вопросы в настоящей мысли просто не стоят, господа... Не вопрос для Сократа, есть ли свое и что такое свое... – забота его в другом, отличить свое принадлежности от собственно своего»* [2, с. 81]. Поэтому еще и еще раз: ситуация безотцовства, сиротства, вызываемая ею растерянность незнания (даже и знающего себя незнания, которое вернее и основательней всякого мнимого знания, всякой прочной уверенности в себе), может быть встречена только особым способом быть, связанным с «прилежанием в себе», если угодно, то и ответственностью – *за свое в себе*. Это прилежание и ответственность у греков – *ἐπιμέλεια*

ἐαυτοῦ. Она близка школе, говорит Биbihин. Потому что и школа, *σχολή*, – это не просто «свободный досуг». Безотцовство, изначальное наше сиротство, говорит Биbihин, должно расположить нас – к школе, а эта последняя не дисциплина только, и даже не самодисциплина, а вдумчивость – «медление» мысли, и никак не торопливое «знание ответов»^{7*}.

В конце концов, читая Биbihина, можно сказать, мне кажется, что безотцовство / сиротство определено им как исторический / человеческий вызов и как судьба. Как судьба – поскольку и тот, кто еще не осиротел, рано или поздно – как это ни печально – осиротеет. Но это и не просто судьба, это вызов, бросаемый обстоятельствами (ситуацией или все той же «судьбой») – вызов, требующий ответа. И ответ на этот вызов, по всей видимости, – по крайней мере из того, что говорит Биbihин, это тоже следует – может состоять и состоит в *особом способе быть*. Этот способ быть раскрывается Биbihиным, как он иначе, но тоже раскрывается, и Мишелем Фуко. Оба – и Фуко, и Биbihин – обращаются к понятию *epimeleia*. По Фуко, сократическая *epimeleia* – это забота; и *забота* о пресловутой *душе*, но еще больше – *забота* о своем *образе жизни*. Как обязательный элемент она входит и в практики стоиков, и в представление об истинной жизни в кинизме. В отличие от Фуко, Биbihин переводит *ἐπιμέλεια* – и перед нами нечто много большее, чем только «перевод» слова или даже группы слов – не столько как «заботу» (и уж тем более не как какую-нибудь «озабоченность» собой) – но как «прилежание», особое усердие по части *собранности в себе*, без которой немыслима *собранность полиса и мира*. «После человеческого знания незнания, смирения, школы, взгляд в собственно человека, в себя самого человека открывает окошко куда-то очень далеко» [2, с. 86]. [Биbihин 2011: 86], – отмечает в связи с этим Биbihин. Так что поиск собственно своего в самом себе неожиданно открывает и родовое, и весь мир. Вспоминается довольно известное изречение Гераклита: «границ души не отыскать, в каком бы направлении ты ни пошел». Так что оставленность и заброшенность в безотцовстве становится стимулом особой явленности мира, в которой, хочется думать, преодолевается печаль безотцовства и всечеловеческое сиротство.

Примечания

1* *Ситуация и событие* – это и ключевые слова Бибикина, уже поэтому об этике ситуации и философии события Бадью здесь нужно говорить.

2* Как правило, констатирует Бадью, «этика запрещает себе осмысление единичности складывающихся ситуаций, с которых обязательным образом начинается всякая собственно человеческая деятельность» (*Бадью А.* Указ соч., С. 31). Но события – «суть неприводимые [к общему. – Ю. А.] единичности», и как таковые, как единичные ситуации, они оказываются «вне закона» (там же. – С. 68). Поскольку событие для вовлеченного в него человека хотя бы какой-то частью всегда помещается вне всяких стандартных законов, оно «вынуждает изобретать способ быть и действовать» (там же. – С. 65), упорствуя в своем бытии.

3* *Бибикин В.В.* Собственность. *Философия своего*. – СПб.: Наука, 2012. – 536 с. Отдельная часть курса, посвященная разбору платоновского «Алкивиада I», была опубликована в журнале «Логос» (см.: *Бибикин В.* Поиск *своего* в «Алкивиаде» Платона // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 63–88). Именно это издание мы в основном и используем в данной статье.

4* В Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2008 г. состоялась конференция, посвященная 70-летию Бибикина, на конференции обсуждалась и тема «собственности» у Бибикина (доклад О.В. Хархордина). В.В. Бибикину в 2018 г. ему исполнилось бы 80 лет.

5* С этого настроения, полагает Бибикин, начинается и Возрождение: ранняя поэтическая философия снова берет начало в «той же отчаянной бодрости, печального одиночества оставленных, поздних одиноких детей» (там же. – С. 73).

6* Прислушаемся еще раз к словам Бибикина: «В знающем незнании отцы присутствуют полновесно, как только они могут присутствовать в мировую эпоху оставленности – присутствуют своим отсутствием: в отличие от слепоты, от забывчивости, которая “проглатывает” ситуацию безотцовства, знающее незнание – это постоянное присутствие отцов именно как отсутствующих» (там же. – С. 73).

7* «Школа, “схολе”» этимологически “задержка, остановка, медление”, и тут мы в который раз удивляясь языку нашему собственному, вспоминаем, что русское медление этимологически связано с мыслью, а с греческим соответствием – родственным словом – “медления”, *ἐπιμέλεια*, мы много раз встретимся в “Алкивиаде” и не будем знать как его перевести, потому что ближайшее, почти тождественное понятие найдем только в латинском *stadium*, которое тоже не переводится на русский язык, разве что “школа»)» (там же. – С. 71) – так что круг, можно сказать, замкнулся....

Список литературы

1. *Бадью А.* Этика. Очерк о сознании зла. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
2. *Бибикин В.* Поиск *своего* в «Алкивиаде» Платона // Логос. – М., 2011. – № 4(83). – С. 63–88.
3. *Бибикин В.В.* Собственность. *Философия своего*. – СПб.: Наука, 2012. – 536 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998. – 95 с.

5. Платон. Тимей (22 b) // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 426.
6. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1: Общество и сферы смысла. – С. 284–291.
8. Эльберфельд Р. Знание и самотрансформация в буддизме // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. – М.: Логос, 2017. – Ч. 3: По дороге с самим собой.. – С. 70–80. *Elberfeld R.* Wissen und Selbsttransformation im Buddhismus // Weisheit – Wissen – Information / hrsg. von Karen Gloy u. Rudolf zur Lippe. – Göttingen, 2005. – S. 265–276.

References

1. Bad'yu A. Etika. Ocherk o soznanii zla. – CPb.: Machina, 2006. – 126 s.
2. Bibihin V. Poisk svoego v «Alkiviade» Platona // Logos. – М., 2011. – № 4(83). – S. 63–88.
3. Bibihin V.V. Sobstvennost'. Filosofiya svoego. – SPb.: Nauka, 2012. – 536 s.
4. Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? – SPb.: Aletejya, 1998. – 95 s.
5. Платон. Тимей (22 b) // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 426.
6. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1: Общество и сферы смысла. – С. 284–291.
8. Эльберфельд Р. Знание и самотрансформация в буддизме // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Ч. 3. По дороге с самим собой. – М.: Логос, 2017. – С. 70–80. *Elberfeld R.* Wissen und Selbsttransformation im Göttingen, 2005. – S. 265–276.